

Аноним

Осознанный нигилизм

2011

Афина: Я поступаю, как попросят. Коль просите меня в гармонии сей град хранить — свяжу раба и приласкаю господина. Ведь так гармония рождается из хаоса. Все те, кто жить и процветать стремятся в Афинах славных, согласны с уговором этим. Жить в городе с именем моим — значит постоянно подчиняться. Как бык, впряжённый в телегу, принимает кнут погонщика, так гражданин закон градоначальника принять обязан. Но раз устав — из-за вина ль, которое отравит вас, как сгнивший виноград отравил вино, иль по другой причине, — лишь попросите. Я с радостью разрушу всё, что попросили вы создать. Никто из смертных — ни царь, ни бунтовщик, — впрочем, не спешит просить меня исполнить последний свой обет. Дозволить Хаосу поглотить сей град и всё, что в нём. Нет в вас отваги лицезреть, как все товары и роскошь ваша в неумолимом пламене сгорает. И самые отважные из вас боятся мощи Хаоса — обрушит он её, как только вход ему дарую. Но помни, юная душа: я лишь приказы ваши исполняю. Проси построить полис — будет так. Проси покончить с жалкой жизнью городской — могу его до основания разрушить только.

- Эврипид, Афина Полиса (Афина Городская), отрывок из Потерянных Пьес

В декабре 2008 афинская молодёжь узнала для себя нечто ужасное. Многим из них было от 13 до 19, когда полицейский выстрелом в грудь застрелил 15-летнего Алексиса Григоропулоса. Эти молодые люди, не знавшие ничего ни про анархические ассамблеи, ни про приемлемые методы борьбы, немедленно увлеклись примером других людей — тех, кто жёг банки, разграблял магазины, раскалывал тротуар на метательные снаряды, кидал молоты в ментов. В те дни никто, кроме полиции, не пытался унять их гнев (как выяснилось, гнева у них было в избытке). В те дни они знали, кто был их врагом: все, кто пытался их остановить. Было очевидно, что их способность всё крушить сильно зависела от присутствия товарищей, поэтому в них росло понимание преимуществ крепкого сильного сплочённого коллектива. Это понимание использовалось против всего, что пыталось их подчинить и вернуть в русло нормальности. А сила их групп росла по мере развития восстания. Когда же оно закончилось, а нормальность вернулась, эти люди сохранили память о своей силе и понимание, что с ней делать. И ждали возможности применить её в очередной раз.

В мае 2010 года в Марфин-Банке погибло 3 человека. Из страха потерять работу сотрудники согласились быть запертыми внутри банка во время уличных протестов (в Европе давно сложилась практика закрывать офисы и рестораны в районах манифестаций как раз с целью избежать человеческих жертв — прим. пер.). От зажигательных бомб начался пожар, они погибли. Смерть простых банковских служащих толкнула афинских анархистов в пучину кризиса. СМИ использовали гибель людей для оправдания репрессий. Общество осудило “убийц”-анархистов. Помимо этого, среди анархистов обнаружили

и те, кто принялся осуждать товарищей, и те, кто пытался найти причину, или объяснение, или рационализацию произошедшего. Но искать, в общем-то, было нечего. Кто-то заявил, что поджигатели были про-правительственными агентами, кто-то — что это менты под прикрытием, другие говорили, что это несчастный случай, кто-то — что смерти в антикапиталистической войне вполне допустимы. И только наиболее проникательные анархисты увидели проблеск истины: молодые товарищи из 2008-го по неосторожности сожгли банк, в котором были живые люди.

К маю 2011 года анархическое движение в Афинах само себя загнало в болото стагнации. Основная причина — последствия событий в Марфин-Банке и внутренние разногласия, которые за прошедший год не удалось решить. Ещё одна причина — аресты городских партизан и необходимость обеспечивать поддержку для порядка 40 политических заключённых.

По адресу партизан было высказано много критики, особенно по поводу кампании рассылки бомб почтой, которую провели Огненные Ячейки Заговора. Указывали на то, что акции проведены бездумно и не достигли ничего, за исключением одного: у государства в очередной раз появился повод говорить об анархическом терроризме. Двух анархистов арестовали, и позже они признались в отправке бомб по почте в разные посольства иностранных государств. Одному из арестованных было 22 года — он из “поколения-2008”. Георгис Папандреу, нынешний премьер-министр Греции, заявил следующее: “Эти безответственные и трусливые поступки не смогут помешать нам оживить экономику и восстановить доверие к нашему государству.”

С друзьями меня связывает личный опыт и собственный выбор, а также понимание того, что чем я становлюсь сильнее, тем они становятся сильнее. Аналогично, я по собственному выбору связана со своими врагами, только на этот раз я вступаю с ними в противостояние и понимаю, что я действую против них и их союзников.

— *Вирджиния Вульф*

Почти всегда они на передовой. Они без колебаний используют молотovy. Когда молотовых нет (что случается часто), они довольствуются палками и камнями. Когда ничего интересного не происходит и вокруг нет полиции, они уничтожают всё, что можно: светофоры, киоски, небольшие магазины. Всё. Иногда кто-то их останавливает, иногда к ним присоединяются. Совсем недавно другие анархисты поспешили потушить подожжённую частную собственность. Пока в захваченных домах заседают ассамблеи, они дразнят полицию на улицах, бросают камни, устраивают засады. Многие другие анархисты не воспринимают их всерьёз. Некоторые даже презирают, говорят, что “из-за этих ребят не хочу иметь дел с анархистами”. Эти молодые люди, выросшие в

2008-м, называют себя анархистами, но многие другие анархисты наперебой твердят, что они “бросают тень на всё анархическое движение”.

Ещё больше нападков вызвала атака на полицейский участок в Экзархии. Во время акции взорвался полицейский мотоцикл (который перед этим подожгли). В результате пострадал торговец с прилегающего рынка, который пытался потушить огонь. На следующий день газеты вышли с заголовками о “молодчиках в балахонах, которые жгут бедняков”. Крайне несвоевременно. Буквально накануне фашисты провели митинг перед тем самым Марфин-Банком, где год назад в огне погибли 3 человека. Цель фашистского сборища была проста — сыграть на общественном недовольстве и недоверии к анархистам. После убийства грека-левака, фашисты объявили, что за убийством стоят иммигранты. Они мобилизовали сотни людей, срежиссировав таким образом расистский погром, который продолжается в Афинах до сих пор. Как раз в этот момент произошло нападение на полицейский участок, что многими жителями города было воспринято как нападение на ту же полицию, которая до этого этого защищала фашистов, терроризировавших центр Афин. Но некоторые анархисты принялись критиковать акцию сразу после появления сообщений о ранении рыночного торговца. Газета “Кафемерини” (издание правого толка) привела цитаты ряда жителей Экзархии, которые утверждали, что-де “настоящие анархисты” никогда бы себе не позволили ничего подобного.

Однако нападение произошло именно в Экзархии. Это район, в котором тысяч сотни анархистов. Они пьют, курят, общаются. Многие из “поколения 2008-го” выросли на этих улицах и площадях. Именно тут зарождаются идеи, распространяется информация, формулируются планы. Возможно, что напавшие — это и не сквоттеры, которые живут в районе. Но можно с уверенностью утверждать, что они всегда оказываются в числе тех, кто защищает автономные пространства от полицейских или фашистских нападений. И в то же время эти самые ребята (те, кто оказываются на первой линии всякого конфликта) — наиболее нелюбимые из афинских анархистов. Их акции далеки от идеала, они часто действуют иррационально, их поступки часто путают карты другим анархистам.

Недавно во время еженедельной анархической ассамблеи в Политехническом Университете “поколение-2008” атаковало марксистские студенческие группы, которые принимали участие в студенческих выборах накануне. И хотя в прошлом подобные нападения были широко распространённой анархической практикой, сейчас уже большинство анархистов отвернулось от этой традиции, которую чтят теперь только “молодые товарищи”. Марксисты заперлись в Университете — обычно это делается в ответ на полицейскую атаку. Анархисты, присутствовавшие на ассамблее, бросились на улицу, как только услышали взрывы и крики. Их взгляду предстала толпа марксистов, пытающихся обороняться от других анархистов. И снова можно было слышать замечания о том, насколько это была смешная, неуместная, безответственная атака. Ведь

в это самое время фашисты избивали иммигрантов на улицах города. Но дикие юнцы, напавшие на университетские выборы, думали об одном: демократия — говно.

История — это кошмар, от которого я пытаюсь пробудиться.

— *Игги Поп*

В Афинах много разговоров о социальном каннибализме. О том, что общество пожирает само себя. Иммигранты-сутенёры продают иммигранток-проституток грекам-богачам. Греческие дилеры героина сбывают наркотик греческим наркоманам. Полицейские нападают друг на друга (недавний конфликт между двумя отрядами “мотосвиней”: Delta и Zita — прим. пер.). Горожане, нападающие на политиков. Анархисты, взрывающие друг друга (подрыв офиса Антиавторитарного Движения в Афинах и серия поджогов [офисов движения] в Фесаллониках в ответ на нападения на участников Чёрного Блока — прим. пер.). Фашисты, нападающие на анархистов. Война всех со всеми. Хаос. Известный мифологический образ Афинского Полиса, уничтожаемого Афиной, его богиней-покровительницей.

У СМИ, как и у правительства, есть все причины распространять страхи перед распадом социума. Потому что, в конечном счёте, именно государство вмешается и всех спасёт, когда станет уж совсем всё плохо. По крайней мере, так предполагается. Но события в Греции не развиваются по написанному сценарию. Общество распадается быстрее, чем это происходит обычно в любом крупном мегаполисе. Денег уже ни у кого нет, правительство намерено кланчить очередную кредит у “тройки” (МВФ-ЕС-ЕЦБ — прим. пер.). При этом все понимают, в каком мы затруднительном положении.

Однако взгляд на проблему отличается от сообщества к сообществу. Для фашистов проблема заключается в иммигрантах и левых. Для политиканов — в безответственности граждан, уклоняющихся от уплаты налогов, дорожных сборов и протестующих против размещения свалок ТБО в своих пригородах. Для анархистов проблема заключается в капитализме и Государстве. В разных районах Афин все эти точки зрения находят различный отклик.

Например, Центральные Афины славятся преступлениями против общества, часть которых совершают иммигранты, а часть — бедные греки. После убийства грека фашистам оказалось довольно легко получить поддержку в прилегающих районах, потому что местные жители привыкли видеть в иммигрантах преступников. Но в том же районе представлены и анархисты (в основном, в окрестностях сквота Вилла Амалиас). Как только начались погромы, анархисты оказались подходящими союзниками для иммигрантов: многие из них оказались привлечены в район сквота не только перспективой найти укрытие от фашистов, но и возможностью обрести друзей в эту трудную минуту. Иммигранты, живущие полными лишения и невзгод жизнями,

— частые жертвы социального каннибализма, им приходится участвовать в деятельности мелких капиталистических предприятий просто чтобы выжить. Но теперь, когда их демонизируют и на них ополчились погромщики, надежды оказаться “включёнными” в греческое капиталистическое общество оказались разбиты вдребезги.

Объективные причины толкают два сообщества (негреческих иммигрантов и анархистов) в объятия друг друга. К четвёртому дню погромов объединённые силы анархо-иммигрантов очистили район Виллы Амалис от полиции и фашистов. Из колонок, установленных на улице, лилась музыка и неслись слова деклараций. Еженедельное собрание в сквоте было широко разрекламировано при помощи плакатов и листовок, и на него пришло очень много неанархистов, которые хотели обсудить планы совместных действий в этот напряжённый период. Дети играли в футбол, семейные пары чинно дефилировали туда-сюда, и страх постепенно отступал. А в нескольких кварталах от сквота продолжался погром.

Есть неразрешимые противоречия. Например, противоречия между полицией и фашистами с одной стороны и анархистами и иммигрантами с другой. Но существует множество примеров (помимо приведённого), когда афинские анархисты и иммигранты переступали через враждебное отношение друг к другу и приходили к пониманию общности борьбы. Однако вплоть до недавнего времени эти два сообщества практически не пересекались. Теперь, когда мы осознали общность интересов, на первый план вышло следующее противоречие. Противостояние анархистов и анархистов.

Отрицание того, что существует сейчас, ради будущего, которое ещё не настало.

— Чарльз Дарвин

18 мая 2011 на севере Афин полицейские заинтересовались двумя молодыми людьми, стоявшими рядом с мотоциклом. Один из них немедленно достал пистолет и открыл огонь, ранив обоих копов. Ответным огнём полиции был ранен и сам стрелок. Его товарищ скрылся на полицейской патрульной машине, которую позже бросил в нескольких кварталах от места происшествия. Раненого стрелка отправили в госпиталь, где он назвал вымышленным именем. 20 мая стало известно, что раненый — 21-летний Феофилус Мавропулос. Он заявил о своём членстве в Огненных Ячейках Заговора. В декабре 2008 ему было 18.

Заговор утверждает, что объединяет анархо-нигилистов-индивидуалистов. Они последовательно критикуют население Греции за трусость, пассивность и политическую слепоту. Они считают, что население страны само виновато в том жалком положении, в котором очутилось, в основном потому, что общество слишком глупо, чтобы изменить ситуацию. Заговор также достаточно

критично отзываясь о традиционной анархистской сцене и о самоограничениях, которые навязывают сами себе анархисты, покуда они остаются сосредоточены на одних и тех же неэффективных формах протеста. Они (Заговор) выступают за создание небольших вооружённых ячеек, объединённых в неформальную интернациональную федерацию, которые будут непосредственно атаковать символы и механизмы авторитарной власти. В общем и целом, в их словах нет места твёрдой уверенности или убеждённости в каком-то позитивном проекте. Зато, с другой стороны, они уверены в необходимости разрушения существующего общества.

Нигилизм Заговора — это отражение того нигилизма, который пропитал молодёжь, повзрослевшую в 2008-м. Эти молодые люди не только стали свидетелями и современниками глобального краха капиталистической системы, но и приняли участие в окончившемся неудачей сопротивлении глобальной гегемонии Капитала. Товарищи из поколения 70-х могли бы научить молодёжь правильным методам борьбы, но в глазах молодых, старики проиграли, как и все остальные. И когда молодые анархисты пытаются выразить своё отчаяние и желание действовать, их пытаются заткнуть, на них кричат или высмеивают другие анархисты, которые связаны с более традиционными методами борьбы. В результате молодёжь сознательно уходит из центральных узлов движения, предпочитая действовать на периферии, где они вольны поступать так, как заблагорассудится. Некоторые из них полностью разрывают всякую связь с движением, как видно на примере Заговора.

Есть ряд партизан и повстанцев, которые получили общественное признание и уважение среди анархистов всего мира. Это “грабители в чёрном”, Революционная Борьба, Вассилис Палеокостас, например. Последний прославился тем, что сбежал из тюрьмы на вертолёте. Несмотря на безрассудно отважную деятельность, эти люди всегда сохраняли теоретическую связь с традиционными анархическими и автономными сценами. Они верят в социальную революцию и бесконечный повстанческий потенциал населения. И хотя они имеют те же цели, что и нигилисты (уничтожение существующего миропорядка и его защитников), в ряде случаев они публично отрекались от нигилистических групп.

Эти партизаны и повстанцы верят в народ и питают надежду на его бунтарский характер. Нигилисты этой надежды не разделяют. Нигилисты — это, по Эврипиду, те немногие, кто отважился просить Афины разрушить город до основания. Но они одиноки. От них отвернулись и их стараются забыть другие анархисты. Очутившись в изоляции, наиболее решительные из них полностью отвернулись от своих истоков. И одного за другим их уничтожают или сажают в тюрьмы. Они сидят в камерах, а город продолжает своё существование.

Ничто не истинно, всё дозволено

— Хиллари Клинтон

Склонность к нигилизму среди молодёжи не появилась на пустом месте. Это реакция на полный провал как капитализма, так и антикапиталистического сопротивления. Многие не видят никакой альтернативы и не желают ничего, кроме полного уничтожения этого монстра, который обеспечивает наше существование, — города. Для многих товарищей очень тяжело принять такую точку зрения. Для людей, жаждущих социальных перемен, радикальной трансформации, полной смены образа жизни, полное уничтожение кажется совершенным безумием. Возможно, событиям декабря 2008 и помогли сознательные группы повстанцев, которые крайне осторожно выбирали цели для атак, но решающим оказался общий настрой на разрушение, царивший среди людей, вышедших на улицы. С окончанием восстания эти устремления обрели форму и направились в иные русла под воздействием различных идеологий, но изначально они были хаотичны и неконтролируемы.

В 2008 году, когда на планете вспыхнули первые искры того пожара, который уже пылает по всей Северной Африке, мы стали свидетелями появления чего-то нового. Не анархизма, не коммунизма и не демократии. А желания избавиться от всего. В Египте это желание удалось подчинить воле демократических партий, которые убили всю энергию протестов, и передали страну под власть военной диктатуры. В Греции эту энергию перенаправили в старые добрые профсоюзы, партии и идеологемы. Эти восстания поддерживались и раздувались благодаря полному отсутствию какого-либо руководства. Как только кто-то встал у руля, как только кто-то пообещал достойное будущее, будущее не замедлило явиться. Такое же унылое, как и прошлое.

Анархисты Греции, да и всего мира, часто боятся начать действовать ради достижения своих целей. Бездна полной свободы пугает. Без полиции между различными группами граждан начнётся гражданская война. И это будет намного хуже, чем нынешняя грызня между анархистами, фашистами и иммигрантами. Без города, его системы снабжения и инфраструктуры, начнётся массовый голод, который приведёт к росту насилия в обществе. Верить в то, что рабочие захватят ТЭЦ и системы водоснабжения и будут ими управлять, или что население возьмёт под контроль ресурсы города с целью более эффективного и справедливого их распределения — утопия. Подобно Бастилии, Афины всегда будут служить той цели, ради которой и создавались. Бастилию строили как тюрьму и ни что иное. Афины — это город для господ и тех, кто им прислуживает. Этот дух за тысячелетия пропитал мегаполис. Исчезни капитализм — город исчезнет вместе с ним.

Осознавать этот факт — жутко. И перед лицом этого страха многие возвращаются к традиционным методам борьбы, которые, в конечном счёте, означают признание бесполезности сопротивления и вечное поражение. Одни и те же формы организации можно повторять вновь и вновь, можно также разыгрывать те же сценки и проводить те же ритуалы. Но они ни к чему не приведут — ведь и в прошлом от них не было никакого толку. Страх толкает людей прочь

от той мысли, что нам осталось воплотить самый важный проект — уничтожить то, что создал капитализм. Но кто согласится уничтожать собственный дом? Кто готов окунуться в хаос без твёрдых гарантий лучшего будущего для себя и своих друзей? У будущего для нас нет и не может быть никаких обещаний. Все обещания — это ложь. Обманутые сменяют обманщиков, а нищета повседневной жизни остаётся.

Мы не должны отвращать от себя нигилистов и молодых анархистов. Нельзя толкать их в сторону отчаяния. Они — часть нашего анархического мира. Они представляют собой что-то одновременно новое и ужасно древнее. Если мы не будем прислушиваться к ним, они продолжают действовать без оглядки на наши одобрения и признание. Если мы попытаемся контролировать их, мы станем в их глазах лишь частью системы, которую они намерены уничтожить. Возможно, в их поступках содержится больше истины, чем представляет кто-то из нас. Возможно, мы — просто трусы, которые бесконечно тянут с действием в ожидании идеальных героев, которые явятся к нам, пообещают светлое будущее, покажут, как действовать, позовут за собой. Будучи анархистами, мы понимаем, что уничтожение капитализма — насущная необходимость. Но капитализм настолько глубоко проник во все аспекты наших жизней, что это понимание нас пугает. И мы ищем спасения в 80-х, 90-х, 2000-х, цепляемся за всё те же осколки истории, загоняем сами себя в ловушки форм и идей, которые не меняются уже многие десятилетия.

Я не намерен отворачиваться от анархизма. На самом деле, я бы очень хотел, чтобы эти идеи получили как можно более широкое распространение. Я хочу, чтобы люди помнили и понимали методы и тактики борьбы, к которым прибегали наши предшественники, но я также хочу, чтобы люди не просто использовали эти методы в борьбе с нашими врагами, но понимали, что мы не строим никакой “лучший мир для всех”. И мы никому его не обещаем. Анархизм не имеет ничего общего с передачей новых идеальных общественных структур бывшим рабам общества потребления. Анархизм — это создание того мира, которого мы сами желаем. Для самих себя. И мы должны разрушить то, что должно быть разрушено, мы не должны бояться будущего.

Бороться ради уничтожения капитализма в 2011-м — значит быть нигилистом. Разрушать капитализм — значит разрушать всё, что он создал. И если мы хотим быть искренними в том, что мы делаем, значит мы будем нигилистами в глазах всех тех, кто ещё дорожит капиталистическим устройством мира. И поэтому я выступаю за осознанный нигилизм. Не тот нигилизм, который проявляется как реакция на поведение “анархо-авторитетов”, реакция на деятельность СМИ или безразличие общества. Но нигилизм, который заставит нас выступить не против людей, которыми правят, но против всех тех, кто до сих пор жаждет власти. Наш враг — не общество, а те, кто стоит у его истоков и поддерживает его в нынешнем виде.

Основополагающая концепция этого осознанного нигилизма — идея борьбы

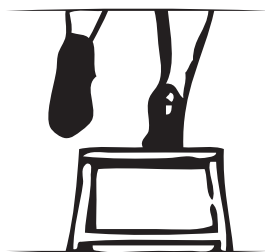
с существующим миром. Вслед за идеей следует понимание того, что сопротивление должно обрести форму поступков, а не слов. И это — самое трудное. Задача сознательного нигилизма — это сознательное организованное уничтожение всего в противовес хаотичному нападению на всё и вся. Мы должны спросить себя, хотим ли мы влачить нынешнее существование, состариться и жить в этом мире (который мы презираем), или броситься в бездну. Другие уже сделали выбор и теперь летят. Пора догнать наших молодых друзей, присоединиться к ним в этом полёте. И напомнить не им, но самим себе, что мы не одиноки в своих безумных нигилистических мыслях.

Афина готова разрушить город, если мы попросим её. В мифах Афина всегда помогает тем, кто твёрд в своём стремлении к цели. В 2010 году, живя в подполье, Вассилис Палеокостас написал: “Удача — женщина, и она любит отважных.”

Библиотека Анархизма

Антикопирайт

16 июня 2012

Аноним

Осознанный нигилизм

2011

Оригинал на английском: anarchistnews.org
Сохранено 11 июня 2012 года из avtonom.org